

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н.М. Плискевич

ст.н.с., Институт экономики РАН (Москва)

ГДЕ ДОРОГА К ХРАМУ МОДЕРНИЗАЦИИ? (О КНИГЕ А.П. ЗАОСТРОВЦЕВА «ПОЛЕМИКА О МОДЕРНИЗАЦИИ: ОБЩАЯ ДОРОГА ИЛИ ОСОБЫЕ ПУТИ?»)

Аннотация. В статье рассматривается концептуальный подход А.П. Заостровцева к многообразию существующих в современной литературе теорий модернизации. Отмечается всесторонность анализа автором модернизационных теорий, в который включены не только известные западные концепции, но и концепции, появившиеся на Востоке. При этом автор не ограничивается утвердившимися характеристиками противостоящих институциональных систем, но и предлагает свое противопоставление «силовой» и «правовой» систем, каждая из которых имеет свою модернизационную специфику. Вместе с тем высказывается сомнение в том, что феномен России может быть вписан в такие биполярные конструкции. Для характеристики этого феномена гораздо продуктивнее привлечение к анализу таких теоретических конструктов, как «пограничная» и «промежуточная» цивилизации.

Ключевые слова: модернизация, западная цивилизация, восточная цивилизация, цивилизационные матрицы, система «власть–собственность», «силовая» цивилизация, «правовая» цивилизация, «пограничная» цивилизация, «промежуточная цивилизация».

JEL: A10, B52, N20, O1.

DOI: 10.52342/2587-7666 VTE_2021_2_120_130.

Мы живем в противоречивое время. С одной стороны, крайне ускорившиеся процессы научно-технических изменений, быстрой цифровизации как производственной, так и повседневной жизни диктуют необходимость срочной модернизации не только инструментальной составляющей нашего бытия, но и его социокультурной основы. Ведь новому сложному миру, в который мы только вступаем, должен соответствовать сложный человек. Причём требования всевозрастающей сложности относятся не только к так называемому «креативному классу», но и ко всей среде, его окружающей. В противном случае «креаклы» либо зачахнут в удручающей для них среде, либо предпочтут перебраться в те страны, где такая среда будет для них комфортна (мы не одно десятилетие наблюдаем «утечку мозгов» из нашей страны — тревожный в современной ситуации симптом). С другой стороны, многие ещё не забыли шока от реформ 1990-х гг., страшатся любых перемен даже в случае, если сами они так и не преодолели черту бедности. Мысль о том, как бы не стало ещё хуже, поддерживает все ещё достаточно массовое требование стабильности, опасения, что перемены лишь усугубят и без того тяжелое положение.

В этой противоречивой атмосфере все же вновь и вновь поднимается проблема модернизации России и как единственного пути встраивания в новую научно-техническую реальность, и как бесперспективной для нас по своей сути попытки, неизбежно оборачивающейся новыми бедствиями для населения и возвращением к тем же принципам построения общества и государства, от которых неоднократно делались попытки уйти. В новой книге А.П. Заостровцева «Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути?» [Заостровцев, 2020] выстроен очень интересный вариант обобщения существующих в мировой литературе версий трактовок процессов модернизации и в нашей стране,

и за её пределами. При этом автор хочет взглянуть на идущую среди учёных полемику с нейтральных позиций. Сам он формулирует свою задачу как описание имеющихся идей, в которых он «абсолютно ничего не делит по критерию «хорошо — плохо»» (С. 8)¹.

Правда, стоит отметить, что Заостровцев, будучи сам оригинальным участником этой полемики, со своей задачей не совсем справился: собственные представления о теме вели его, диктовали саму структуру книги, подводящую не к нейтральному, а к его собственному выводу. Хотя такое естественное развитие авторской мысли делает книгу ещё интереснее, окрашивает её живым чувством исследователя, его отношением к подробно рассмотренному в книге богатству подходов и интерпретаций, причём авторов не только из развитых стран Запада, но и с Востока, точнее — Китая. Впрочем, читатель может познакомиться и с полемикой с Заостровцевым некоторых из его оппонентов в приложении к основному тексту, где приводятся материалы обсуждения книги в Центре исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге. В этой полемике нет смысла углубляться в упреки оппонентов Заостровцева, скажем, в подборе фактического материала, работающего именно на его концепцию. Ведь аналогичные упреки можно отнести и к самим участникам дискуссии, в своих работах делающих акценты на близких им фактах и аспектах темы.

Однако, думается, стоит обратить внимание на основной пафос и участников обсуждения, и автора книги. Дискуссия была сконцентрирована на тезисе, что Заостровцев считает нашу страну со всеми её историческими, территориальными и, главное, социокультурными особенностями неспособной к модернизации по западному образцу. Разумеется, общее содержание книги дает основания для такой трактовки. Однако она, как представляется, не совсем верна. Введя новое разделение путей развития на «силовое» и «правовое», Заостровцев развивает тезис, что «силовой» тип развития имеет свои, отличные от западных («правовых»), способы модернизации. Пусть они не столь успешны, но все же существуют, и на это нельзя закрывать глаза.

Правда, представляется, что между частями такой новой пары, как «силовая» и «правовая» цивилизации, все же нет непроходимых границ. Тут скрывается и та историческая коллизия, которая описывается Д. Норт, Д. Уоллисом и Б. Вайнастом в «Насилии и социальных порядках»: есть некая грань, достигнув которую, «силовое» общество, её силовые элиты сами начнут осознавать неэффективность и опасность для них имеющейся институциональной структуры и предпринимают попытки её модернизации, начиная трудный, часто мучительный переход от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа. Это происходило в истории, где господствовали силовые элиты. Это же может начаться и в обществе нуворишей, типа современного российского, которые, в случае ослабления силовой поддержки и подпадаемые новыми поколениями жаждущих передела уже поделенной собственности, приносящей ренту новым силовикам, могут решить, что правовая форма защиты для них надежнее. Ведь сама наша «старая силовая элита» не забыла те рейдерские захваты, благодаря которым она получила свои богатства. А такая ситуация чревата либо новым взрывом переделов собственности, либо достижением тех элитных договоренностей, которые у Норта и его коллег именуется «пороговыми условиями для элит» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 76].

В терминологии Заостровцева это можно назвать возможностью перехода от «силовой» к «правовой» модернизации. Впрочем, и сам Заостровцев не закрывает возможность такого перехода. Правда, у него «пороговые условия» выглядят по-другому, ибо он рассматривает «силовой» и «правовой» варианты развития как два не пересекающихся цивилизационных пути движения обществ. Такому взгляду способствует и то, что в самом тексте книги прослеживается некоторое смешение разных трактовок сути двух цивилизационных

¹ Здесь и далее страницы книги приводятся в тексте в круглых скобках.

путей развития обществ. Прежде всего это «матричная» конструкция, предполагающая, что эти два цивилизационных пути покоятся на двух каркасах двух различных цивилизационных матриц. Тут «западной» матрице развития противостоит по сути «восточная». И хотя Заостровцев критикует такие конструкции, как X- и Y-матрицы С. Кирдиной [Кирдина, 2014] или раздаточная и рыночная экономики О.Бессоновой [Бессонова, 2007]², он явно склоняется к введенной в оборот С. Хёдлундом «матрице Московии» [Хёдлунд, 2015].

Вместе с тем акцент на матричные конструкции в исследованиях модернизации несколько смягчается включением в анализ книги другой популярной конструкции — «власти-собственности», все же предполагающей возможность эволюции этой системы в рыночную и демократическую. Такой шанс предоставляет этой, по мнению многих, господствующей у нас системе и Заостровцев; правда, обуславливая его целым рядом ограничений. Во-первых, это «очень сильные внешние воздействия», во-вторых, «не единоразовые, а длительные воздействия со стороны внешних реформаторов», в-третьих, «критическая масса людей с антитоталитарным рыночным мышлением», в-четвертых, «доброжелательный диктатор, принимающий экономически грамотные решения и в конечном итоге передающий власть народному правительству, в-пятых, «наличие агрессивного общества-антипода как противоядия уподобления таковому» (С. 249–250). Не все приведённые условия, отмечает Заостровцев, абсолютно обязательны, но главное — они предлагаются автором для достаточно малых государств, по сути, уже проделавших хотя бы часть эволюции от «силовой» к «правовой» системе. В качестве примеров можно привести историю эволюции южноазиатских «тигров», продемонстрировавших успешность такого перехода. В целом же, по Заостровцеву, «никакой предопределённости такого радикального поворота не существует. Он есть результат цепочки случайно состоявшихся исторических событий, которые переломили внутренний потенциал к самовоспроизводству институциональной матрицы. Гораздо более вероятно продолжение в её рамках при проведении лишь более или менее успешной адаптационной модернизации» (С. 259). Последнее, полагает автор, наиболее убедительно показывают Китай и Россия.

Таким образом, Заостровцев строит свою концепцию, при всём многообразии используемой терминологии, на основе существования стран, принадлежащих к двум качественно различным институциональным системам, каждая из которых развивается по своим законам, с присущими ей особенностями модернизации. Неоднократно проводя параллели между Россией и Китаем, даже подчеркивая, что особенности государственного устройства, укоренившиеся в России, были привнесены в неё Ордой, в свою очередь воспринявшей их в Китае, автор даёт ещё один аргумент для объединения этих двух держав в русле одной матрицы³. Это, в частности, объясняет и то, что первая глава книги посвящена анализу взгляда на модернизацию с Востока, точнее — взгляду китайского учёного Хэ Чуаньци, разработавшего систему индексов, с помощью которой он сопоставил уровни модернизации более чем 130 стран мира. Предложенный китайским учёным метод, бес-

² Отмечу, что О.Бессонова в последних работах пишет о процессах интеграции этих двух систем, а С. Кирдина высказывает более осторожную возможность о внедрении в конструкцию одной матрицы элементов другой, но при условии, что такие внедрения не затрагивают существенных качеств принимающей матрицы [Кирдина, 2014. С.256]. Тут стоит заметить, что результат такого внедрения чреват искажением встраиваемых институтов (это, в частности, мы наблюдаем в России в последние годы). В этом случае внедрение институтов сопровождается их адаптацией к новой для них среде и, как правило, вызывает своеобразную аккультурализацию заимствованных форм, когда они, вступая во взаимодействие с данной средой, усваивают её природу. С таким явлением мир столкнулся ещё в 1960-х гг. при крушении колониализма. По мнению одного из изучавших этот процесс учёных — Ш. Эйзенштадта, модернизационный порыв в данном случае заканчивается печально: «...многие институты, оформившиеся в начальный период модернизации, сегодня распались и прекратили работать, уступив место менее сложным и, как правило, более авторитарным политическим режимам» [Эйзенштадт, 2010. С. 43].

³ Отмечу, что А. Ахиезер в своей основной книге подчеркивал как раз различия цивилизационных особенностей Китая и России [Ахиезер, 1997].

спорно, представляет интерес. Однако предложенная им методика свидетельствует о том, что его интересует прежде всего инструментальный аспект модернизации, а также вытекающие из него проблемы повышения социально-экономического и культурного уровня развития населения, которое должно стать способным обслуживать новые механизмы, воспринимать новые технологии, привлекаемые извне.

Интересно, что в главе, посвященной модернизации по китайскому образцу, не рассказывается о российских исследованиях, проведенных по той же методике, хотя и на основе усовершенствованных индексов. А ведь проводивший их член-корреспондент РАН Н. Лапин не только был инициатором перевода обзорного доклада Хэ Чуаньци на русский язык, но и предпринял масштабное исследование степени модернизации российских регионов с учетом достижений китайского коллеги. В результате Лапин констатировал, что предложенный инструментальный позволяет замерять, прежде всего, социально-экономический компонент модернизации и частично — социокультурный. «И лишь косвенно позволяет судить о технико-технологической и институционально регулятивной компонентах» модернизации [Атлас..., 2016. С. 27]. В то же время отмечалось, что «модернизация осуществляется в России как догоняющее развитие, инициируемое сверху, при этом частная инициатива не получает безусловной поддержки государства» [Атлас..., 2016. С. 63]. По сути, констатируется исчерпанность выбранного для нашей страны пути, особенно для её среднего класса. «И это серьезный вызов для российской модернизации» [Атлас..., 2016. С. 86].

По мнению Н.Лапина и его коллег, сегодня в «собственное время» российской модернизации входит иное, смежное время её институциональных предпосылок, отделенных от современности несколькими столетиями. Оно течет гораздо медленнее и тормозит современную модернизацию». А результатом этого становится «разбалансированность модернизации как комплексного процесса: прежде всего вторичной модернизации, а также состояния двух стадий модернизации»⁴ [Проблемы..., 2013. С. 27, 28].

Эти отступления от текста книги Заостровцева приведены для того, чтобы показать: даже те учёные, которые принимают теоретическую концепцию восточной модернизации в том её варианте, который предложен у Заостровцева, и использующие её в своих исследованиях степени модернизации различных регионов России, ощущают её недостатки при применении в комплексном исследовании модернизации, включающем не только инструментальные (что характерно для «матричных» и «властесобственнических» или «восточных» вариантов), но и соответствующие им глубокие социокультурные и гуманитарные сдвиги, без которых и инструментальные изменения, даже пользующиеся государственной поддержкой, быстро приходят в упадок. И говоря о таких инструментальных изменениях, думается, скорее имеет смысл рассуждать о каком-то ограниченном развитии, но не о модернизации.

Размышляя о тупике, в котором оказалась наша страна, неоднократно повторявшая модернизационные попытки, кончавшиеся неудачей, можно, конечно, сделать вывод о том, что она просто принадлежит другому («восточному», «силовому» «властесобственническому» и т.п.) типу цивилизации. И ей нет смысла вставать на тот модернизационный путь, который присущ странам Запада. Теоретические подходы к анализу такого пути подробно изложены в книге, а так как они достаточно хорошо известны, нет смысла подробно останавливаться на их описании. Заостровцев достаточно полно и чётко их проанализировал. В то же время, сравнивая пути развития Китая и России, нельзя не обратить внимание на то, что первый в своей эволюции не делает попыток выйти за рамки инструментальной модернизации и затрагивает социоэкономическую и социокультурную сферы лишь в той

⁴ Под вторичной модернизацией в концепции Хэ Чуаньци понимается индустриализация, под третичной — современный этап построения новой цифровой экономики, основанной на знаниях. При этом китайский учёный полагает, что эти два этапа могут развиваться одновременно.

мере, в какой их изменения потребны для успеха инструментального компонента модернизации. В России же, по крайней мере в течение трех — четырех веков, мы видим попытки выйти за эти рамки, пусть пока и кончающиеся неудачей, но, думается, всё же они будут повторяться и в дальнейшем.

Вряд ли такое упорство можно объяснить, ограничиваясь рамками двух противостоящих друг другу цивилизационных типов развития, как бы мы их ни называли. В то же время есть концепция, объясняющая упорное стремление нашей страны перейти из одного состояния в другое, но не проанализированная в книге. Ибо её автор, пусть в душе и является сторонником «правовой» цивилизации, но, признав более соответствующий российским реалиям утвердившийся после неудачи 1990-х гг. «силовой» вариант развития и укоренение «Матрицы Московии 3.0», делает вывод, что наша страна будет развиваться именно по этому пути.

Однако, как свидетельствует отечественная история, попытки поворота к западным образцам не только были, но и будут продолжаться, например, либо вследствие резкого падения рентных доходов, либо появления в элитах достаточно влиятельных сторонников такого поворота (вспомним хотя бы идеи князя Голицына при правлении царевны Софьи, которые сулили более мягкое, нежели петровское, движение в западном направлении). А потому в ходе полемики о модернизации в России вряд ли можно обойтись без анализа концепции «промежуточной цивилизации», выдвинутой А. Ахиезером⁵.

Ахиезер рассматривал «промежуточную цивилизацию» как особую переходную форму от традиционной к либеральной цивилизации, причём форму, связанную прежде всего с мучительными процессами изменения социокультурных основ сначала у меньшинства населения, а затем и у расширяющихся его слоев. Такие мучительные процессы проявляются «подчас в крайних формах обострения между двумя формами суперцивилизации, в нередко извращенных формах примирения противоречивых идеалов через формирование гибридных... Россия застряла между этими двумя суперцивилизациями, так как их ценности раскололи страну» [Ахиезер, 1998. С. 360–361]. Такая расколота промежуточная цивилизация «показала, что на пороге, отделяющем и соединяющем две суперцивилизации, возможны тяжелейшие конвульсии, мучительная неспособность перебросить мост между ними... Это патологическое движение может прекратиться в расколоте обществе либо путем преодоления раскола и перехода к либеральной суперцивилизации, либо в результате деградации и гибели общества» [Ахиезер, 1998. С. 361].

А так как мы, хотя и испытываем сегодня пессимизм, наблюдая то тут, то там признаки деградации, всё же не хотели бы гибели нашего общества, то важно подумать о том, как выйти из этой ситуации. Здесь вряд ли поможет вечная полемика «западников» и «славянофилов» в новой оболочке (матричной или какой-либо другой). И потому вряд ли продуктивен критический пафос большинства участников обсуждения книги, равно как и трактовка её содержания как обречённости страны на «силовой» вариант развития (или «Матрицу Московия 3.0»). Гораздо продуктивнее постараться понять специфику социокультурного состояния российского общества, его истоки, а также попытаться наметить пути выхода из него.

Соглашаясь с тем, что ныне наша институциональная система может быть охарактеризована и как «силовая», и как «властесобственническая», и как неоэтакратическая (так её определял О. Шкаратан [Шкаратан и др., 2009]), но одновременно, принимая версию А. Ахиезера о специфике России как «промежуточной цивилизации», стоит задаться вопросом: в чем причины такого сочетания и накладывает ли оно свои особые черты на

⁵ Термин «промежуточная цивилизация» Заостровцев использует один раз и лишь по отношению к Украине (С. 235). Думается, однако, такое его сужение и вытеснение его за пределы России является, скорее, отражением пессимистического взгляда автора на современную политическую ситуацию в стране.

развитие нашей страны, отличающие её и от Китая, и от стран исламского мира, и от других государств, имеющих схожую институциональную конструкцию?

Первое, бросающееся в глаза, отличие связано с самим фактом неоднократно повторяющихся попыток выйти за рамки своей институциональной структуры и воспринять более эффективные формы западных конструкций. Ведь ещё относительно недавно С. Хантингтон характеризовал СССР как «разорванную страну», где вновь проявилась «классическая борьба западников и славянофилов. И, по его мнению, в 1990-е гг. «вестернизированный Горбачев уступил место Ельцину, русскому по стилю, западному по высказанным убеждениям, которому, в свою очередь, угрожали националисты, призывающие к православной индигенизации России». Последнему способствовал демократический парадокс: «принятие не-западными обществами западных демократических институтов поощряет и дает дорогу к власти национальным и антизападным политическим движениям» [Хантингтон, 2003. С. 201–202].

Однако такая расколотовость сознания российского общества находит объяснение в самом положении нашего государства как пограничного между Западом и Востоком. И это отражается в самой отечественной культуре. Скажем, Г. Померанц видел в социокультурном теле страны различные слои (византийский, монголо-татарский, западный) и выводил отсюда образ-символ, характеризующий специфику цивилизационного статуса России как страны, лежащей на перекрестке миров и легко втягивающейся то в один, то в другой соседствующий мир. И оказывается, что ни один из них не может быть отброшен как шелуха, чтобы открыть ядро. У Померанца появляется образ России-луковицы, целостность которой составляет единство всех его слоев. Каждая попытка отбросить что-то, как наносное (или устаревшее), разрушает целое [Померанц, 1995].

Эти представления Померанца развивает Я. Шемякин в своей теории «промежуточных» цивилизаций [Шемякин, 2014а; Шемякин 2014b]. Подхватывая образ луковицы, он характеризует особенности такой цивилизации, отмечает, что у луковицы нет ядра, и в данном случае речь должна идти об особом теле целостности, качественно отличном от представленных целостными мировыми цивилизациями. При всем многообразии последних важно видеть, что в пограничных цивилизациях многообразие преобладает над принципом единства. В результате цельная относительная духовная основа в случае пограничной цивилизации отсутствует, а религиозно-цивилизационный фундамент состоит из «нескольких качественно различных частей. Хотя одновременно мы обнаруживаем и парадокс пограничной цивилизации. Он заключается в том, «что в условиях доминанты многообразия единство также вполне реально» [Шемякин, 2014а. С. 117–118].

В своей трактовке пограничных цивилизаций, к которым он относит Россию, Шемякин особо отмечает повышенную по сравнению с классическими цивилизациями роль внешних факторов в жизни общества, повышенную способность к переработке внешних воздействий в соответствии со своими потребностями, приводящими в итоге к превращению внешнего во внутреннее. Этим цивилизациям свойственны и стремление к максимальной открытости, и ревностная защита своей самобытности.

То есть в нашем случае не в экстренных ситуациях, а в связи с цивилизационной самобытностью России, которую не случайно называют то Евразией, то Азиопой, огромную роль играют внешние факторы (даже в ситуации, когда и «простым людям» важно, как именно относятся к их стране в мире, особенно на Западе). Большая проницаемость страны для внешних влияний и повышенная способность к их переработке, вписывание их в свою социокультурную среду позволяет таким обществам легче превращать внешнее во внутреннее⁶. В результате Шемякин приходит к выводу, что «есть все основания гово-

⁶ Это, кстати, выделяет и Заостровцев, формулируя свои «пороговые условия» перехода к «правовой» системе.

речь не об одном информационном поле (понимаемом прежде всего как взаимодействие смыслов), как у Померанца, а о комбинации различных информационно-смысловых полей в соответствии с принципом доминанты многообразия в пограничной цивилизационной системе» [Шемякин, 2014b. С.128].

Если принять тезис об особом свойстве «пограничности» российской цивилизации, то открывается возможность примирения позиции Заостровцева и его критиков из Европейского университета. Ведь в таком случае оказывается, во-первых не столь безнадежным достижение условий, необходимых для модернизации страны в соответствии с правовыми принципами, о которых пишет и сам Заостровцев. Во-вторых, более логичной представляется сама ситуация, при которой история народа, в котором одна его часть (точнее — её элита) восприняла социокультурные принципы, привнесенные с Востока, как наиболее подходящие для управления разрастающимся государством и для борьбы с конкурентами во власти, а другая часть длительное время развивалась под влиянием западных тенденций, проникающих из территориально более близких земель.

Что же касается сложившейся ныне ситуации, то стоит вновь вернуться к идее «промежуточной цивилизации» Ахиезера. Эту промежуточность он представлял как расколотость российского общества на тонкий либерально настроенный слой, сочетающийся с традиционной основой. Причём в правящей элите ростки либеральных (точнее — западных) представлений оживали прежде всего в периоды осознания серьёзности отставания нашей страны от Запада, в первую очередь в военно-технической сфере, и порождали стремление к прозападным реформам. Однако, как правило, такие реформы носили инструментальный характер. Более того, сама их реализация могла быть осуществлена мобилизационными методами, что было возможно только при опоре на господствующий традиционалистский социокультурный фактор. А это вело к искажению заимствованных из западной действительности институтов. И каждая такая попытка, сопровождаемая подобными искажениями, вела к появлению в отечественной институциональной конструкции особых институциональных рубцов [Плискевич, 2019], незнакомых исследователям западной реальности и самой этой реальности.

А потому каждая следующая попытка реформ либерального типа может быть успешной не просто в ходе копирования западных институтов, показавших свою успешность в другой реальности. Она одновременно требует разработки особого способа перехода из одного состояния в другое, не только учитывающей наличие таких рубцов, но и предлагающей оригинальные способы или смягчения их влияния, или, что лучше, их полной нейтрализации. В качестве неудачного подхода к реформированию советского варианта отечественной институциональной системы можно назвать способ, каким была проведена приватизация государственной собственности на средства производства. Само огосударствление советской властью этой собственности стало серьёзным рубцом на теле всего общественного устройства нашего общества. Можно принимать аргументы приватизаторов о сложности политической ситуации первой половины 1990-х гг., требующей решительных действий, а также то, что *de facto* она нелегально шла ещё со времени разложения СССР в виде спонтанного процесса. Не забудем и об отсутствии этических ограничений не только у представителей старой номенклатуры, но и у многих реформаторов, что наложило свой отпечаток на восприятие происходящего широкими слоями населения. В результате сам процесс приватизации не только не способствовал смягчению воздействия старого институционального рубца, но породил свежий рубец, последствия воздействия которого ещё долго придется изживать.

Поэтому для будущих попыток модернизации в России, не ограничивающихся инструментальными аспектами, которые близки сторонникам «силовых» вариантов, но предполагающих серьёзные социокультурные сдвиги, насущно важно задействовать этическое начало лидеров реформ. Они должны давать образцы морального поведения и пример

для остального общества. Не случайно А. Оболонский, анализирующий проблему падения морали в современном российском обществе и особенно в его элитах, отмечает: «...реформа институтов власти — условие необходимое, но недостаточное. Институты решают не всё. Они — не более, чем инструменты; действуют люди. И даже хорошие институты, оказавшись в распоряжении людей с разложившейся моралью, с деформированной шкалой моральных ценностей, либо бездействуют, либо действуют искажённо, избирательно, по «понятиям», обслуживая удалённые от общественных нужд клановые, групповые и даже личные интересы и тем самым становятся контрпродуктивными» [Оболонский, 2016. С. 10].

Это замечание особенно важно в связи с тем, что А. Ахиезер, размышляя о путях выхода России из порочного круга «реформы — контрреформы», видит такой выход только в становлении развитого утилитаризма, который характеризуется «переходом от поиска средств, дающих не меньший эффект, чем утраченные средства, к поискам все более эффективных средств, осознанием связи роста благ и личных усилий по их добыванию, производству». Будучи ориентированным на прогресс, он «требует развития личности, повышения ею ценности своего Я», а следовательно, «выступает как возрастающая по своей значимости пружина социальных изменений, сила, вынуждающая формировать новые средства» [Ахиезер, 1998. С. 522]. В таком качестве развитый утилитаризм «готовит почву для либерализма с его растущей оценкой духовных ценностей, идеалов свободы, саморазвития, законности, диалога и т.д.» [Ахиезер, 1998. С. 522].

При этом он отмечал, что к началу модернизационных преобразований конца XX в. страна подошла с таким либерально ориентированным слоем в обществе, какого ранее не имела. Вместе с тем нельзя не учитывать, что «либерализм в условиях развитой либеральной суперцивилизации... и либерализм в стране, ещё не ставшей либеральной, — разные явления. Российский либерализм нуждается в серьёзной перестройке, в преодолении своего абстрактного характера, в отказе от фетишистской веры в волшебный результат воплощения либеральных идеалов любыми средствами» [Ахиезер, 1997. С. 681–682]. Ахиезер подчеркивает (в отличие от многих), что на выход из циклического развития в рамках «промежуточной цивилизации» повлияют не внешние воздействия, а углубленная внутренняя работа всего общества: «Будущее — результат не внешнего влияния, но массового творческого процесса, идущего из глубин народной почвы, который включает непрерывный диалог с иными народами и цивилизациями, с собственной духовной элитой. Это будущее строится сегодня обществом не только в сфере духа, но и через способность каждого из нас делать предметом диалога критику нашей истории» [Ахиезер, 1997. С. 788].

Показательно, что перехватившие властные рычаги «промежуточные выгодоприобретатели» [Hellman, 1998] направляют свои усилия на то, чтобы затормозить продвижение вперед социокультурных процессов и через соответствующую повестку СМИ (особенно телевидения), и через выстраивание системы институтов, по форме нередко соответствующих западным аналогам, но по сути противоречащих им, а потому провоцирующих искажённые нормы поведения, и наконец, через целую систему ограничений (даже законодательных) в области науки, образования и культуры. Однако такая социокультурная политика, хотя, как кажется на первый взгляд, и соответствует «глубинным традициям отечественной культуры», всё же по сути своей противоречит ей, особенно в современных условиях.

Тут, во-первых, стоит помнить, что в культуре каждого народа, в том числе и русского, существует масса традиций, нередко противоположно окрашенных. И, как отмечал А. Гофман, свою опору в отечественных традициях находили и реформы, и контрреформы, а западничество — столь же принадлежит к нашим традициям, как и славянофильство. Причём, по его мнению, большая длительность периодов контрреформ «объясняется главным образом тем, что контрреформы опирались прежде всего на силу и принуждение». А потому и контрреформы в полной мере не могут считаться традиционными: «традиции,

как и легитимность, сами по себе не могут постоянно нуждаться в опоре на право сильного; в противном случае это не традиции, а нечто иное» [Гофман, 2008. С. 43]. Во-вторых, новая эпоха — эпоха качественного скачка в научно-технической сфере настоятельно требует соответствующих качественных изменений и в сфере социокультурной. А стремление «промежуточных выгодоприобретателей» ограничиться поверхностными инструментальными изменениями, не затрагивая глубинных социокультурных основ, входит в прямое противоречие с потребностями новой эпохи. Из этого тупика объективно есть два выхода: или деградация общества, или начало реформ, в полной мере соответствующих созданию условий для формирования в достаточно массовом масштабе сложного человека, отвечающего требованиям нового времени. И если этап индустриализации потребовал проведения «культурной революции», без которой новая индустрия была бы мертва, то новый научно-технический скачок невозможен без новой «культурной революции» с включением в неё широкого гуманитарного компонента.

В современной ситуации в России мы пока наблюдаем лишь меры по укреплению сложившейся «силовой» институциональной структуры. Но в то же время многие социологи, особенно работающие с фокус-группами, показывают изменение запросов населения. Господствующий более двух десятилетий запрос на стабильность меняется на запрос на перемены, соответствующие потребностям научно-технического прогресса, на развитие. Конечно, такими настроениями пока заражено отнюдь не большинство нашего общества, но нельзя не видеть, что, согласно данным Европейского социального исследования, и в развитых странах таковых также не большинство [Магун, Руднев, 2010]. Но критически важно, чтобы носители прогрессивных ценностей стали преобладающей группой в наиболее активной части общества, способной даже в условиях господства «промежуточных выгодоприобретателей» начать работу по постепенному размыванию порядков ограниченного доступа. А как показывают исследования путей к успеху современных развитых стран многое тут было обусловлено именно такой стратегией [Яковлев, 2020]. В итоге она и приводила к достижению тех «пороговых условий» для элиты, с которой связывали успех эволюции институтов Норт и его коллеги.

При этом каждая страна, в том числе и Россия, в соответствии с массой своих особенностей будет развиваться по собственному пути. Этот путь может быть относительно прямолинеен или сопровождаться неоднократными срывами. Но для каждой страны он будет своим, особым путем. Ведь и тот путь, который прошли более чем за два века США, по сути своей уникален, не похож ни на один из вариантов развития западноевропейских стран. Так что вряд ли стоит противопоставлять общую дорогу и особые пути модернизации, как делает Заостровцев в названии своей книги. Просто эта дорога очень широка, со своими удобными участками и участками, грозящими попавшим в неудачную колею многими трудностями и даже бедствиями. Но на этой общей дороге каждый обречён идти своим особым путем.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахиезер А.С. (1997). Россия: критика исторического опыта. Т. I. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Ахиезер А.С. (1998). Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы (2016) / Отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир.
- Бессонова О.Э. (2007). Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Гофман А.Б. (2008). От какого наследства мы отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М.: РОССПЭН. С. 9–62.

- Заостровцев А.П. (2020). Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Кирдина С.Г.(2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. М.–СПб.: Нестор-История.
- Магун В.С., Руднев М.Г. (2010). Базовые ценности россиян в европейском контексте // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 5–22; № 4. С. 5–17.
- Норт Д., Уоллис Д., Б.Вайнгафт Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Е. Гайдара.
- Оболонский А.В. (2016). Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М.: Мысль.
- Плискевич Н.М. (2019). Архаика институтов и архаика патернализма: есть ли взаимосвязь? // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 100–115.
- Померанц Г.С. (1995). Теория субкумен и проблема своеобразия стыковых культур // Померанц Г.С. Выход из транса. М.: Юрист. С. 205–227.
- Проблемы социокультурной модернизации регионов в России .(2013) / Составление и общ. ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М.: Academia.
- Хантингтон С.П. (2003). Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.
- Хедлунд С. (2015). Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: Изд. Дом ВШЭ.
- Шемякин Я.Г. (2014а). Субкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта. Статья 1 // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 113–123.
- Шемякин Я.Г. (2014б). Субкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта. Статья 2 // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 119–130.
- Шкаратан О.И. и др. (2009). Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации (2010) // *Неприкосновенный запас*. № 6. С. 42–67.
- Яковлев А.А. (2020). Поиски институциональных решений через призму истории // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 67–63.
- Hellman J. (1998). *Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition* // *World Politics*. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

Senior Researcher, Institut of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow

znplis@yandex.ru

WHERE IS THE ROAD TO THE TEMPLE OF MODERNIZATION? (ABOUT THE BOOK BY A.P. ZAOSTROVTSEV «THE POLEMIC ABOUT MODERNIZATION: A COMMON ROAD OR SPECIAL PATHS?»)

Abstract. The article examines the conceptual approach of A.P. Zaostrovtssev. The last one is devoted to the analysis the variety of modernization theories existing in modern literature. Zaostrovtssev carries out comprehensiveness of the analysis of modernization theories, which includes not only well-known Western concepts, but also concepts that appeared in the East. At the same time, in the article we does not limit himself to the established characteristics of opposing institutional systems, but also proposes his own opposition of “power” and “legal” systems, each of which has its own modernization specificity. Doubts are expressed that the phenomenon of Russia can be included in such bipolar constructions. To analyze it, it is much more productive to involve in the analysis such theoretical constructs as “borderline” and “intermediate” civilizations.

Keywords: *modernization, Western civilization, Eastern civilization, civilizational matrices, “power-property” system, “power” civilization, “legal” civilization, “borderline” civilization, “intermediate civilization”.*

JEL: A10, B52, N20, O1.

REFERENCES

- Akhiezer A.S. (1997). *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. I. Ot proshlogo k budushchemu* [Russia: a criticism of historical experience. T. I. From the past to the future]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russ.).
- Akhiezer A.S. (1998). *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. II. Teoriya i metodologiya. Slovar'* [Russia: Criticism of Historical Experience. T. II. Theory and methodology. Vocabulary]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russ.).
- Atlas modernizatsii Rossii i eye regionov: sotsioekonomicheskiye i sotsiokul'turnyye tendentsii i problem* (2016). [Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems] /Otv. red. N.I. Lapin. Moscow: Ves' mir. (In Russ.).
- Bessonova O.E. (2007) *Obraz buduschego Rossii i kod civilizatsionnogo razvitiya* [The image of the future of Russia and the code of civilized development]. Novosibirsk: IEiOPP SO RAN. (In Russ.)
- Eizenshtadt S. (2010). Srivi modernizatsii [Failures of modernization] // *Neprikosnovenniy zapas*. No. 6. Pp. 42–67. (In Russ.).
- Gofman A.B. (2008). *Ot kakogo nasledstva my otkazyvayemsa? Sotsiokul'turnyye traditsii i innovatsii v Rossii na rubezhe XX–XXI vekov* [What inheritance are we giving up? Sociocultural traditions and innovations in Russia at the turn of the XX–XXI centuries] // *Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii. Sotsiologicheskyy analiz vzaimodeystviya i dinamiki* [Traditions and innovations in modern Russia. Sociological analysis of interaction and dynamics]. Moscow: ROSSPEN. Pp. 9–62. (In Russ.).
- Hedlund S. (2015). *Nevidimie ruki, opit Rossii i obschestvennaya nauka. Sposobi ob'yasneniya sistemnogo provala* [Invisible Hands, Russian Experience and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure]. Moscow: Izd. Dom HSE. (In Russ.).
- Hellman J. (1998). *Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition* // *World Politics*. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.
- Huntington S.P. (2003). *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [Clash of civilizations]. Moscow: AST. (In Russ.).
- Kirdina S.G. (2014). *Institucionalnie matrici i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu* [Institutional matrix and development of Russia. Introduction to the X-Y-theory]. Moscow–St.Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).
- Magun V.S., Rudnev M.G. (2010). Bazovyye tsennosti rossiyan v yevropeyskom kontekste [Basic values of Russians in the European context] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp. 5–22; No. 4. Pp. 5–17. (In Russ.).
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoi istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpretating Recorded Human History], Moscow: Institut Gaydara. (In Russ.).
- Obolonskiy A.V. (2016). *Etika publichnoy sfery i realii politicheskoy zhizni* [Ethics of the public sphere and the realities of political life]. Moscow: Mysl'. (In Russ.).
- Pliskevich N.M. (2019). Arkhaika institutov i arkhaika paternalizma: yes' li vzaimosvyaz'? [The archaic of institutions and the archaic of paternalism: is there a relationship?] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 100–115. (In Russ.).
- Pomerants G.S. (1995). *Teoriya subkumen i problema svoyeobraziya stykovykh kul'tur* [The theory of subcumens and the problem of uniqueness of joint cultures] // *Pomerants G.S. Vykhod iz transa* [Coming out of trance]. Moscow: Yurist. Pp. 205–227. (In Russ.).
- Problemy sotsiokul'turnoy modernizatsii regionov v Rossii* (2013) / Pod obsh. red. N.I. Lapin, L.A.Belyayeva [Problems of socio-cultural modernization of regions in Russia / Compilation and general edition of N.I. Lapin, L.A. Belyayeva]. M.: Academia. (In Russ.).
- Shemyakin YA.G. (2014a). Subkumeny i «pogranichnyye» tsivilizatsii v sravnitel'no-istoricheskoy perspektive: o kharaktere sootnosheniya YAzyka, Teksta i Shrifta. Stat'ya 1 [Subcumens and “borderline” civilizations in a comparative historical perspective: on the nature of the relationship between Language, Text and Font. Article 1] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp. 113–123. (In Russ.).
- Shemyakin YA.G. (2014b). Subkumeny i «pogranichnyye» tsivilizatsii v sravnitel'no-istoricheskoy perspektive: o kharaktere sootnosheniya YAzyka, Teksta i Shrifta. Stat'ya 2 [Subcumens and “borderline” civilizations in a comparative historical perspective: on the nature of the relationship between Language, Text and Font. Article 2] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp. 119–130. (In Russ.).
- Shkaratan O.I. & others (2009). *Sotsial'no-ekonomicheskoye neravenstvo i yego vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii* [Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia]. Moscow: OLMA Media Grupp. (In Russ.).
- Yakovlev A.A. (2020) *Poiski institutsional'nykh resheniy cherez prizmu istorii* [The search for institutional solutions through the prism of history] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp. 67–63 (In Russ.).
- Zaostrovtssev A.P. (2020) *Polemika o modernizatsii: obshchaya doroga ili osobyye puti?* [Modernization Controversy: Common Road or Special Paths?]. St.-Petersburg.: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.).